

Юго-западный рубеж

одном из номеров «Северного края» в начале года была опубликована статья Татьяны Егоровой «Ярославль готовился к обороне» о больших трудах наших земляков по строительству укреплений новой оборонительной линии, в которую части Красной армии могли бы опираться в случае большой неудачи на Калининском фронте.

Дальний пояс обороны, состоящий из двух рубежей, шел от Пошехонья до Углича и озера Неро. Два его огромных участка – северо-восточный и юго-западный рубежи строились осенью и зимой 1941 года. Автор публикации отмечает, что это была уникальная военная стройка, но время всесильно, и сейчас следов ее почти не осталось. Верно. Осталась только память. В том числе и у нас, в Мышкине.

Город географически располагался почти в центре юго-западного рубежа, и здесь разрабатывались большие и тяжелые доты. Строили заводские линии обороны и укрепляли маленький город. В осенне-зимние короткие дни все трудоспособное население выходило на тяжелые работы – на правом берегу Волги почти непрерывно копали противотанковые блиндажи, траншеи и доты.

Все заволжские деревни переполнены работниками. На ночь в каждый дом набилось столько народу, что не было «на каждой тесине дырки». Лежали так плотно, что не вернулись с боку на бок едва ли не валилось. Да редко и поворачивались: молодые парнишки, женщины так нарабатывались за день, так уставали в борьбе с землей, что, не поев скудной пищи, вали-

лись вповалку хоть как-то отдохнуть.

Рабочая сила была истинно жалкая, «бабья армия» – так их звали. А все работы – крайне тяжелые, постоянная изматывающая борьба с землей, крепко прошитой сосновыми корнями – ведь почти все заволжские линии обороны строились под лесным прикрытием. Только отдельные огневые точки, пулеметные гнезда выносились вперед – на самый берег и на волжские острова.

Трудно представить, сколько земли перевернули и перетаскали тогда женские руки, ведь только основной противотанковый ров шел непрерывной линией по всем танкоопасным участкам – от села Круглицы до деревни Плоски – чуть не двадцать километров, а потом вскоре опять возобновлялся и шел почти до деревни Баскачи, от которой уже недалеко был Углич. Линия обороны строилась в несколько рядов, начинаясь с укреплений на островах, продолжаясь противотанковым рвом, системой дзотов и железобетон-

ных колпаков пулеметных гнезд.

Много выручали саперы со взрывчаткой, но все остальное – вручную. Даже бетонные колпаки катали и устанавливали руками. А уж про траншеи, ходы сообщения и блиндажи нечего и говорить. Блиндажи строили капитальные, в три-четыре наката бревен (они еще существовали даже в начале 60-х годов). Перед огневыми точками широко валили лес, расчищая секторы обстрела. Все это – на правом берегу.

А на левом, западном, самом близком к врагу, единственным узлом обороны должен был стать Мышкин. Городок весь опоясали окопами и рвами (одна из линий и сейчас цела возле больницы имени Д. Л. Соколова). На перекрестках улиц строили доты, собранные из густо насыщенных металлом бетонных «бревен». Заглубленные в землю, они выглядели внушительно. В Мышкине были взмещены подразделения зенитчиков-наблюдателей, и из оставшихся в городе пожилых и не очень здоровых мужчин созда-

ли истребительный батальон. Всех старших ребят и домохозяек обучили борьбе с зажигательными бомбами.

И все вовеся. Зенитчики сразу начали свою службу – их отдельный дивизион у Волжского железнодорожного моста сражался с немецкой авиацией каждый день. А воздушные бои с немцами, летевшими громить Рыбинск и Ярославль, проходили то над Мышкином, то над заволжскими лесами. И у советских летчиков уже были первые потери. Два наших самолета разбились возле деревни Лютово, а потом третий «ястребок» рухнул прямо за линиями обороны у деревень Борок и Могилы. Погиб молодой летчик, принявший свой первый бой...

Один из наших самолетов сумел сделать посадку в самом Мышкине, на берегу у переправы, и пилот был страшно раздосадован: «Эх, бензин кончился! А моя атака была такая красивая!» Старики-переправщики печально улыбались: «Молодое дело... Нашел от чего огорчаться... Слава богу, что жив...»

Мышкинский истребительный батальон тоже начал свою боевую работу, прочесывая леса для блокирования и поимки диверсантов и летчиков сбитых немецких самолетов. Тем временем фронт все близился. Городок, совсем не имеющий никакой серьезной промышленности, бомбили, очевидно, для остротки. («Немец на психику давит...» – шутили мышкинцы). При первой бомбежке враг высыпал «целую полосу» зажигательных бомб, которые особого вреда не причинили, ударив по дворам и садикам, да, к веселью мышкинцев, поразив... один из

туалетов. «По важному стратегическому объекту немец бьет!» – смеялись домохозяйки, показавшие отличную боевую выучку, потушив все «зажигалки».

А вот на оборонительных работах было не до шуток. «Бабья армия» начисто вымоталась, до последней жилочки напрягаясь в тяжелой бесконечной работе. Туда уже бросали всех, в том числе и старых, и нездоровых людей. Так, одной из бригад командовала Клава Максимова, инвалид с детства, имевшая тяжелые физические недостатки. Все терпела, работала как могла да еще частушки сочиняла про неизбежный конец фашизма и нашу непременно победу.

В глухом лесу возле Шалимовского болота самые проверенные и надежные люди построили базу для будущего здешнего партизанского отряда и уже завезли на нее все необходимое – от продовольствия до инвентаря. (И все это там сохранялось до послевоенных дней.) Юго-западный рубеж формировался на глазах. Под Москвой положение становилось все грознее, а потому еще больше суровели и дорядки, и люди здесь, в тылу. Каждое утро, кой-чего поев и попив тепленькой водички, еще в потемках брели, подтягивались на рабочие места и с рассветом начинали войну с тяжелой лесной землей. Гремели взрывы, шаркали лопаты, от тяжелого труда болели руки, от тяжких мыслей – сердце. Ведь почти у каждой труженицы были на фронте все мужики ее семьи, а многим уже и похоронки пришли...

И единственный раз просветлели их лица и засияли на глазах уже счастливые слезы, когда им на работу пришла весть о победе под Москвой. «Бабоньки! Погнали наши от Москвы этих сволочей!» Весть катилась от бригады к бригаде, и везде улыбки, счастье и слезы, слезы...

Юго-западный рубеж и вся ярославская линия обороны нашей армии не пригодились. От стен Москвы война тяжкой, кровью пропитанной поступью тихо пошла на Запад. Умолкли взрывы на берегах Волги, стали возвращаться домой измученные непомерной работой труженицы. А вся построенная ими фортификация никуда не девалась, в небытие не ушла. До сих пор как остатки трудов неведомых исполинов тянутся сквозь леса противотанковые рвы, странными ямами открываются рухнувшие блиндажи и сурово смотрят черными амбраурами во многих местах стоящие в лесу железобетонные пулеметные гнезда.

Встреча с ними – запоминающееся мгновение. Они есть и на волжских островах, и в прибрежных лесочках, и в зеленой глухомани густых ельников. Но где бы ни стоял такой суровый встречный, к нему ведет подрастая, но четко видная расширяющаяся просека – сектор обстрела, зона его боевой ответственности.

Железобетонные «бревна» дотов до недавнего времени надежно служили для устройства причальных стенок мышкинской переправы. А в народном музее несут вечное дежурство два выходяца с юго-западного рубежа – противотанковый еж и железобетонный колпак. Они здесь для воспоминания о юго-западном рубеже, о готовности нашей страны сражаться до последнего метра своей земли и о непомерных трудах тыловой «бабьей армии».

А с ними рядом – оружие зенитного дивизиона, одного из немногих воинских частей, принявших бой на позициях юго-западного рубежа. Но это отдельная большая тема. Память о которой все дальше уходит в былое и звучит все глуше, как раскаты дальней грозы...

Владимир ГРЕЧУХИН.